

Денис Коваленко

Подольские курсанты Ильинский рубеж

Денис Леонидович Коваленко

Подольские курсанты.

Ильинский рубеж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70309786

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ этот о молодых парнях, о комсомольцах и коммунистах; о Подольских курсантах – с таким славным именем вошли они в историю нашей Родины. Курсанты Подольского стрелково-пулеметного училища и Подольского артиллерийского училища. Многим тогда, осенью 1941-го, не было и восемнадцати. Они защищали Москву. И защитили Москву. Да, многие погибли. Но они, эти мальчишки, знали на что шли. И уж точно, шли на смерть не за речной трамвайчик, не за теплую булочку, и даже не за свою семью. А встали они на пути врага, защищая весь Советский народ. Такое было тогда время.

Содержание

Денис Коваленко

Подольские курсанты.

Ильинский рубеж

«Оборона наших фронтов не выдержала сосредоточенных ударов противника. Образовались зияющие бреши, которые закрыть было нечем, так как никаких резервов в руках командования не осталось».

Г.К. Жуков «Воспоминания и размышления»

Глава 1

Передовой отряд

5 октября 1941-го. Воскресенье...

Обыкновенное воскресенье, когда в Подольском артиллерийском училище родительский день. С полудня собравшиеся на плацу курсанты ждали – кто жен, кто невест; большинство – родителей. Потому как большинство – семнадцатилетние мальчишки – самые настоящие: сильные ловкие, отчаянные, и, до страсти, идейные. Все комсомольцы. А кто постарше (после армии, после института или техникума) – коммунисты. Других здесь не было. Училище выпускало лучших офицеров артиллерии – золотой фонд, будущее Красной армии.

И сейчас, в это воскресенье, 5 октября, этот золотой фонд, в желто-зеленых гимнастерках заполнил плац, а вокруг желто-зеленых гимнастерок – разноцветьем осени – женские плащи, платья и кофточки, платочки и береточки. И всё так легко кружится и колышется, как может кружиться лишь опавшая листва. И смотреть на это разноцветие было приятно, особенно сверху, из окна, как смотрел сейчас начальник училища полковник Стрельбицкий. Сорокалетний боевой офицер, стройный подтянутый, с модными тогда усами щеточкой, какие любили носить военные. А на плацу всё кружились и кружились легкими и беззаботными листьями его курсанты.

Да, война. Да, немец рвался к Москве, да, наши части на смерть стояли, отступали, контратаковали, и бои шли в каких-нибудь 130 км от столицы, а от Подольска – еще ближе. Но разве может это нарушить такую прекрасную и живую картину?

Треск телефона.

– Стрельбицкий? – трескучий, измененный километрами проводов голос заместителя командующего округом. – Объявляйте боевую тревогу. Немедленно. Формируйте столько батарей, сколько соберете годных орудий. Остальных курсантов – как пехотинцев с винтовками и пулеметами. Задача ясна? – а за распахнутым окном директорского кабинета, всё еще кружится и кружится опадающая листва... И курсанты, с мамами, женами, братьями... А немцы прорвали Западный

фронт. Сотни танков и бронемашин, сотни тысяч пехоты... И всё это вот сейчас, вот в эту самую минуту полным ходом движется к Москве по пустому незащищенному Варшавскому шоссе. Возможно, уже вошли в Юхнов, точных сведений нет.

– Точных сведений нет, – Стрельбицкий, всё не отрывая взгляда от плаца, где шумела простая человеческая жизнь, всё повторяя – «точных сведений нет» – набрал номер начальника пехотного училища генерал-майора Смирнова.

– Не поверишь, сам тебе набирал, – немедленный ответ. – Слушай приказ. Я сформировал из своих орлов передовой отряд – один батальон (выехал на грузовиках, с минуты на минуту будет у тебя). Усиль его двумя своими орудиями.

– Две пушки? – отвечал Стрельбицкий, – что они могут?

– Ты моих орлов не знаешь. У них и гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Так что от тебя две пушки и ребята самые меткие, – и гудки, Смирнов повесил трубку, он всё сказал.

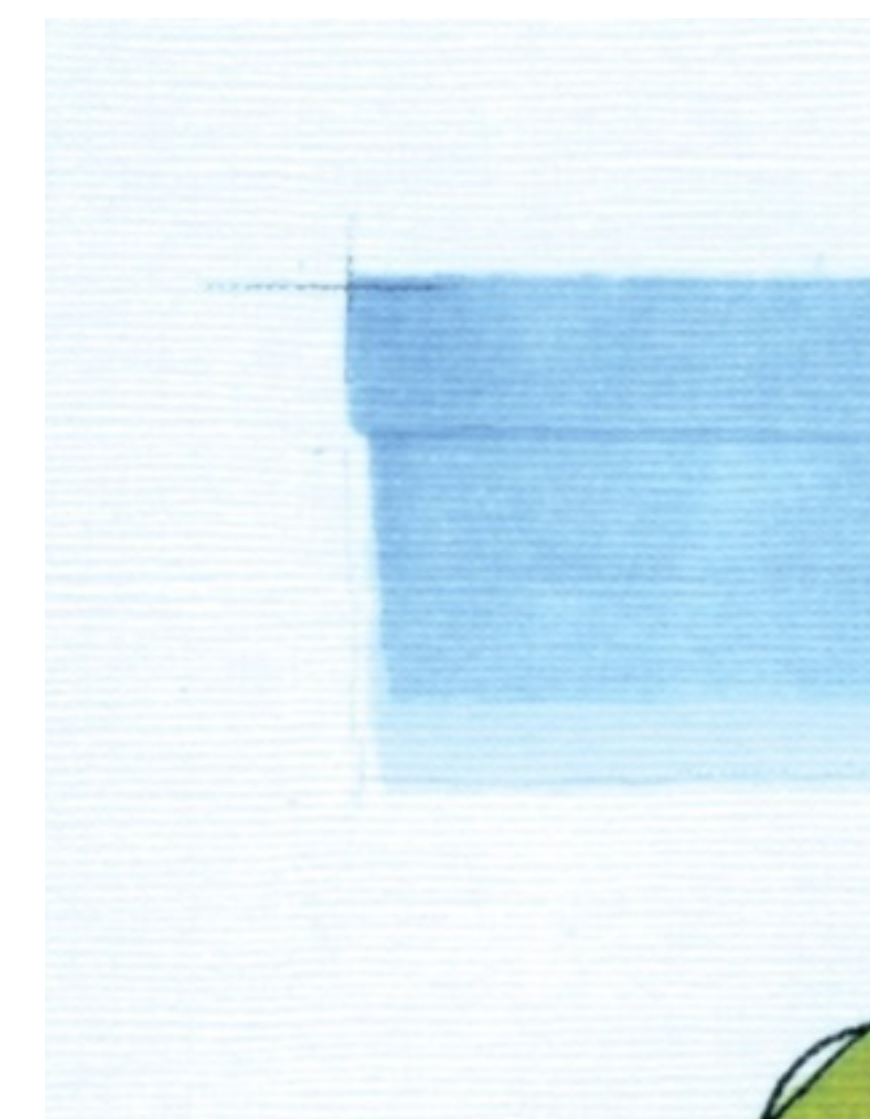
– Пехота, никакого понимания проблемы, – не в силах оторвать взгляда от плаца, от праздника жизни, от того, что вот сейчас он прервет своим приказом и... – Стрельбицкий, уперся ладонями о подоконник.

– Курсанты! Слушай мою команду! – мгновенно мертвая тишина. – Объявляю боевую тревогу. Всем курсантам и всему педсоставу построится на плацу!

– Ура! На фронт! Мама! Наконец-то! На фронт! – разом

со всех концов плаца, звонкие, радостные крики – давно курсанты ждали этого приказа, как девушку не ждут, ждали; и дождались – вот она радость!

В едином порыве подхватило, как подхватывает ветром желто-зеленые листья, и курсанты выстроились в ровные ряды; только родные, кто обнимал еще минуту назад своих сыновей и внуков остались там, где стояли, и сказать ничего не успели.

Привычно пламенная командирская речь. Непривычно волнительные лица курсантов. Вопрос, – кто пойдет добровольцем в передовой отряд? – и сотни ног сделали шаг вперед. Все сделали шаг вперед.

Были отобраны лучшие стрелки. И не «две пушки», а две батареи – восемь орудий, цепляли к давно ждавшим грузовикам, а в грузовиках, курсанты пехотного училища. Точно

такие же семнадцатилетние радостные, как радуются дети, когда из дома в пионерлагерь вырываются, руками машут, шутками перебрасываются – пусть артиллерия видит, какая с ними королевская охрана. Им только и останется, что сидеть по позициям, да из пушечек своих постреливать, когда орлы-пехотинцы, властители полей, будут своими штыками псов-немцев от них отгонять.

Снаряды нагружены, пушки прицеплены, боевые расчеты в кузовах грузовиков. Матери, отцы, жены – у бортов автомашин стоят, кто может слезы сдержать – сдерживают, кто не в силах, лица в платки прячут. Но без рыданий, без истерик. Без кликушества. Все понимали, на что их сыновья идут. И погибнут – было за что погибать – за Москву погибать шли.

2023 F.

– Береги ребят, Яков Иванович, – Стрельбицкий говорил это капитану, командиру сформированного дивизиона, совсем не по-уставному. – Нам мало гитлеровцев сдержать, нам с тобой из парней еще офицеров делать.

– Вас понял, Иван Семенович, – отвечал Россиков, – всё будет хорошо, – отдал честь и скоро направился к головному грузовику и, раскрыв дверцу, сел в кабину.

Всё.

Тыловая жизнь захлопнулась вместе с дверцей. Грузовики колонной, по улицам Подольска вышли на Варшавское шоссе и полным ходом направились в сторону Малоярославца.

На рассвете въехали на западную околицу деревни Стрекалово. До Юхнова оставалось 10 километров. Решено было занимать оборону здесь. Здесь ждать немцев, и отсюда отступить к Ильинскому – 60 километров. И отступить как можно медленнее. Так медленно, чтобы немец по собственной крови полз к Ильинскому рубежу, где основные силы курсантов, вот сейчас, в это самое утро копают окопы, укрепляют блиндажи. Надо дать парням время. И ни день, ни два, а столько времени, столько...

– Пока у нас будут снаряды и патроны, – говорил командир. – А закончатся, держать врага штыками. Заставить его вязнуть в своей поганой крови. На этом шоссе мы одни. Наши части сдерживают врага, и на севере и на юге. Бойцы Красной армии, делают всё, чтобы враг не зашел в наши ты-

лы. И мы должны оправдать доверие Родины. Должны доказать, что те, кто гибнет сейчас севернее и южнее Варшавки, гибнет не зря. Мы должны. Обязаны удержать шоссе.

Курсанты слушали молча, лишь желваки выделялись на стиснутых челюстях, так плотно были сжаты их молодые крепкие зубы. Они, комсомольцы, хорошо понимали, о чем говорит им командир. Они готовы погибнуть. Потому что было за что погибать. И это *что* было у всех одно – Москва. Никто из них не думал о матери, невесте, речном трамвайчике или теплой булочке. Ничего своего, ничего личного не было в комсомольских сердцах. Была одна Москва – одна на всех – с Кремлём и Красной площадью, по которой (это курсанты знали) гитлеровцы похвалялись пройти парадом. Увязнут в своей крови, не доползут фашисты до Москвы. Надорвутся.

Деревня казалась пустой, не слышно даже собак. Всё как вымерло. Точно ниоткуда перед курсантом, что был поставлен в охранение на южной околице, вырос паренек, как лучший из сказки:

– Спокойно, свои, – никак не ожидавший, что его застанут врасплох, от такого своего промаха, курсант лишь винтовку сжал, и зубы от обиды стиснул. Вокруг него стояли молодые парни, никак не старше его самого, а были и вообще сопляки лет пятнадцати. Все в штатском, и с трофейным оружием.

– Партизаны? – нашелся, наконец, и плечи расправил, показывая, что он вот вообще не испугался.

– Диверсанты, – ответ.

– Ну, хватит умничать, – в круг вошел коренастый мужчина, черты лица крупные, взгляд пронзительный, если бы это случилось где-нибудь на окраине Подольска, то курсант сразу бы решил, что на банду нарвался, такой вот взгляд и весь вид был у подошедшего мужчины. Он, как и сами парни был в штатском и с немецким автоматом. – Командир разведывательно-диверсионного отряда, капитан Старчак, – вполне по форме представился он. – Пошли к командиру. Мы видели, как вы разгрузились. Решили слегка понаблюдать. Не робей! – вдруг по-простому, хлопнул он по плечу курсанта, который и правда, слегка оробел, но чуть-чуть. – Парни мои хоть и похожи сейчас на обормотов, но все комсомольцы, как и вы.

Россииков, что распорядился, где ставить пушки, не менее своих курсантов удивился этому отряду в полсотни человек, где все до одного были такие же мальчишки, как и его курсанты. История отряда Старчака оказалась не менее неожиданная, чем его появление. Когда фронт был прорван, когда немцы вошли в Юхнов, Старчак, по собственной инициативе, собрав отряд из воспитанников разведшколы – 430 комсомольцев, проходивших у него парашютную науку, утром 5 октября рассредоточил отряд на Варшавском шоссе, у моста через Угру. Целые сутки стояли комсомольцы, держали, не пускали врага – головные колонны 10-й танковой дивизии 57-го моторизованного корпуса вермахта. 50 человек – всё,

что осталось от отряда. Почти четыре сотни 16-17-летних парней остались там, на реке Угра. Услышав это, у Россикова невольно сердце защемило. За своих парней защемило. Сколько останется завтра от его двух сотен? Невольно мотнув головой, – отмахиваясь от таких мыслей, он слушал, что предлагал капитан-разведчик. А Старчак предложил следующее:

– Впереди, рукой подать, деревушка Красный столб. Там немцы. Выбиваем немцев. Занимаем это урочище¹, а там переправа через Угру. Мост мои ребята в ключья разнесли. Займем переправу, и пусть под вашими пушками эти... – Старчак подобрал самое нужное и самое непечатное слово, – и строят переправу, а мы им будем аплодировать из всех стволов.

– Толково, – согласился Россиков. И немедля, батарею семидесяти шестимиллиметровых пушек капитана Базыленко поставили на закрытую позицию у деревни Стрекалово. А сорокопятки лейтенанта Носова – на прямую наводку – поддерживать атаку, теперь уже сводного отряда.

Как только обе батареи были готовы, курсанты и разведчики пошли в атаку, бодро и весело – как могут только идти семнадцатилетние парни, в первую свою атаку – которую не то, что ждали, во сне многие видели.

¹ Урочище – местность, выделяющаяся среди окружающего ландшафта естественными границами, признаками (лес среди поля; болото, луг среди леса и т.п.).

Солнце только поднималось, освещая рассветом верхушки леса. Отряд, примкнув штыки, бодро, скорым молодым шагом, несколькими линиями двинул от Стрекалово к Красному столбу, крохотной лесной деревеньки в несколько домов. За отрядом поспевали расчеты сорокопяток² – курсанты катили свои пушечки легко, как тачки катят на стройке, разве что песни в голос не пели. Три километра меньше чем за полчаса прошагали молодые ноги.

– Огонь! – скомандовал лейтенант своим орудийным расчетам. Залп, и следом:

– Ура-а-а-а!!! – ноги сами, невольно, понесли юных бойцов, только глаза увидели подскочившие от разрывов дома и деревья, а среди домов и деревьев немцев. Курсанты в азарте и забыли, что винтовки могут стрелять! Наперевес, без малого две сотни острых штыков, точно греческая фаланга, – орущим «ура!» ежом, без единого выстрела, вломилась в деревушку. Треть! Хреть! – врезались штыки в немецкие мундиры. Ура! – оглушал врага курсантский клич! В молодой ярости, не видя, не слыша, не чувствуя – по прямой сквозь дома гнали 16-ти и 17-тилетние мальчишки матерых взрослых мужчин. А над ними летели точно пущенные снаряды сорокопяток, тут и там

² Сорокопятка – 45-мм противотанковая пушка образца 1937 года

отбрасывая немцев в кусты, осыпая их щепами разорванных деревьев. Немцы, стреляя как пьяные, больше в небо, чем в противника, тут же роняя оружие, снимая и бросая ранцы, спотыкаясь, наперегонки, бежали к реке, прыгали в воду, как ищут спасения от роя пчёл, и ползли по мелководью на западный берег.

Выползали и бежали дальше к Юхнову. Вряд ли кто из них понимал, что напали на них вчерашние школьники. До то-

го невероятной и дерзкой оказалась эта первая курсантская атака.

Наверное ни один курсант и ни один разведчик не получили даже безобидной раны в этой атаке. Добежав до берега, парни готовы были сами прыгать в воду и бежать за врагом. Лишь жесткие приказы командиров остановили разгоряченных бойцов от такого безумия.

– Стоять! – сквозь «Ура!» и прочие многословные выкрики, ярко живописующие, что они сейчас с этими немцами сделают, когда догонят. – Стоять! – кричали командиры. А кого и за рукава гимнастеров и за шкурку хватали, и от реки оттаскивали. – Стоять! приказ был стоять!

...И тут заговорили пушки. Немецкие пушки. Ударили с Юхнова. Три гаубичных дивизиона и пять минометных батарей.

– Окапываться! – новый приказ. И курсанты так же бодро как работали недавно штыками, теперь работали лопатами. Впервые глаза капитана Подольского артиллерийского училища увидели то, что боялись увидеть – они увидели кровь, увидели лица, увидели закрытые глаза и... почувствовали боль. Точно это ему, капитану Россикову, сейчас пробили грудь, оторвали руку, ногу, ему, обещавшему своему командиру беречь мальчишек... Всё. Не стало мальчишек, не видели глаза капитана мальчишек – солдат видели. А смерть солдата – смерть обычная. – Окапываться! – кричал капитан, уже без сантиментов и боли, когда глаз его замечал еще од-

ну маленькую мальчишескую смерть. – Быстрее! – одно утешало, снаряды и мины ложились вразброс, по всему берегу, и больше летели на опустевшую деревушку. Лишь несколько снарядов упали возле окапывавшихся курсантов, но и их оказалось более чем достаточно. Пять человек.

Гаубицы и минометы замолчали.

– Воздух! – разом несколько криков. Самолеты налетели как ниоткуда. Но и они, не знавшие, кто отогнал пехоту за Ургу, принялись солить бомбами окрестные рощи и лес, уверенные, что там под кронами деревьев засела русская армия. Самолеты исчезли. Какая-то одна бесконечная минута затяжной тишины. Без слез, курсанты уложили в ряд убитых товарищей – без слез и без слов – накрыли их побелевшие лица.

– Немцы! – разом прокатилось по окопам. Враг пошел в атаку. Больше полка пехоты – полторы тысячи, на глаз прикинули Россиков и Старчак. И десять танков. И вся эта мощь – на две с половиной сотни парней.

Масса эта двигалась непреклонно к мелководу, через которое еще недавно бежали выбитые из деревеньки немцы – двигалась на окопавшийся на опушке сводный отряд.

Вот когда артиллеристы на деле показали, чему их научили. Полковник Стрельбицкий уже на ходу за один месяц перекраивал учебную программу, обучая курсантов работать одновременно по трем и даже четырем танкам, еще летом расчеты учили противостоять танку один на один. «В

бою – так не будет», – сказал тогда начальник училища, и весь сентябрь курсанты целыми днями отражали атаку сразу нескольких машин.

Батарея Базыленко выкашивала вражеские цепи шрапнелью, батарея Носова была прямой наводкой по танкам.

В этом бою немцы оставили на берегу и водах Угры более трехсот солдат и офицеров убитыми. Три танка и броневик догорали в поле.

Сотня курсантов и разведчиков... сто молодых ребят, комсомольцев – такая была цена еще одного дня. Драгоценного дня, позволившего курсантам, что заняли Ильинский рубеж, укрепить и замаскировать недостроенные доты и вырыть до того существовавшие лишь на плане окопы.

Немцы отступили. Отступили к Стрекалово и курсанты с разведчиками. Минометы и гаубицы пристрелялись к нашим окопам. Штурмовики и бомбардировщики квадрат за квадратом бомбили рощи и лес, и берег бомбили. Не могло поверить гитлеровское командование, что против них пара сотен бывших школьников – в это невозможно было поверить, настолько слаженно и мужественно держали курсанты переправу.

Железным колесом, сменяя танки самолетами, самолеты танками, шаг за шагом, перемалывая русскую землю грубыми шипами, враг шагал по Варшавскому шоссе к Москве.

– Пора уходить, – разглядывая в бинокль вражеские линии пехоты, сказал Старчак. – У меня и так тридцать пацанов осталось. Примем бой и тех не досчитаюсь. Да и твои курсанты не о трех головах.

Из тыла к Стрекалово подъехала полуторка со снарядами. Из полуторки выскочил начальник политотдела училища Суходолов.

– Здравия желаю, Яков Иванович, – поздоровался с Россиковым, познакомился со Старчаком. – Ну что, командиры? Что делать думаете? Там ребята у Ильинского жилы рвут, укрепления строят. Рубеж совсем недостроенный. Не успели до войны. Еще денек парням подарите?

– Может и два, Георгий Михайлович, – отвечал Россиков. – Только дорогёй это станет нам денек. Сотню уже похоронили.

– Там на Ильинском, – отвечал комиссар, ребята тоже гибнут. Район укрепляют под бомбами. Точно у немцев бомбам счета нет.

– Как у дурачка фантиков, – глядя больше на карту, эхом произнес Старчак. – Вот что, товарищи, я предлагаю. Артиллерия пусть идет перекатами, поорудийно. А мы отступим к реке Изверь. Там рубеж будет покруче, чем на Угре. Там и окопаемся, – и пальцем в карту ткнул, как точку поставил.

– Добро, – Россиков поднялся. – Курсанты, слушай мою команду!

15 километров – от Стрекалово до переправы через Изверь отступал сводный отряд, а за ним по собственной крови ползла немецкая пехота, и дымились их подбитые танки и бронемашины.

– Хоть бы одна тучка. Дождя бы, – говорили меж собой курсанты, когда хоронились от штурмовиков и истребителей. Немецкие асы не брезговали погоняться и за одним курсантом, если замечали, кого-нибудь на голой земле. Гнали и «резали» из всех стволов, как косой дождь осеннюю листву. Но нет. Ясно, безветренно. Небо чистое. И багрово-красные деревья. А на земле, под деревьями лежали, точно опавшие листья, желто-зеленые гимнастерки... не зарытые в землю, не похороненные, лишь прикрытые серыми шинелями не по росту, лежали мертвые мальчишки. Велики оказались розданные курсантам шинели.

Небо, земля – все несло смерть. Казалось на всём белом свете они одни, и на них одних брошены все силы врага. Защищая эту тонкую нить Варшавского шоссе, отступая по ней медленно и осторожно, как ступает канатоходец по натянутому канату, курсанты и думать не думали, что выше шоссе, в Детчино, насмерть стоит 312-й стрелковый полк. Стоит, защищая фланг Ильинского рубежа. Отступит полк, сдаст позиции и окружены и раздавлены будут курсанты. Но красноармейцы знали, за что они стоят насмерть. Да, за Родину, да,

за Москву, но и за этих семнадцатилетних мальчишек они тоже стояли. Политруки доступно объяснили красноармейцам, *чьи* фланги они прикрывают. И только услышав, узнав это, сорокалетние мужики, советские солдаты, у кого сыновья по возрасту подстать этим курсантикам – стояли и держали Детчино, точно за своих родных сынов стояли.

Еще 5-го октября пустое шоссе 7-го казалось муравьиной тропой. Грузовики подвозили передовому отряду боеприпасы, еду, подкрепление, увозили раненых. Каждый рейс был как последний: с неба штурмовики, с земли пушки и минометы.

Водитель только и успел остановить машину и выпрыгнуть из кабины, когда машина полная снарядами загорелась от попадания мины. Курсанты, что собирались разгрузить грузовик – откатились, как и водитель.

Лишь один человек, секретарь партбюро дивизиона, политрук Иванов, бросился не от машины, а полез в кузов.

– Комсомольцы! – надрывал он связки, – айда обратно! Снаряды нужны! Чем немца бить будем?!

– Комсомольцы! – опомнились курсанты. – Айда снаряды разгружать! – и быстрее чем от машины бросились курсанты к машине, обернуться не успели, как разгрузили, а другие и пушку отстегнули, и пушку покатали за пехотой, а пехота – в контратаку вдоль шоссе.

Так и отступали – пять суток – как волны – то откаты-

вались, то накатывались на врага. Из семи курсантов, кто занял первый рубеж на берегу Угры у Красного столба – шесть остались лежать вдоль шоссе от Стрекалово до самой Ильинки. Лишь 30 из тех первых, кто в ночь выехал из ворот Подольских училищ, и 29 разведчиков Старчака, перешли мост через речку Выпрейку, перешли, сохранив все восемь пушек! С ними шли еще полсотни израненных курсантов, которых каждый раз вместе с боеприпасами привозили подкреплять, с каждым боем редеющий передовой отряд. А сколько их привозили – трудно было подсчитать, курсанты рвались на помощь товарищам, и некоторые без приказа влезали в грузовик и, получалось, самовольно оставляя Ильинский рубеж, попадали в передовой отряд. Кто их осудит? Кто из командиров рискнет осудить семнадцатилетних мальчишек, самовольно бросавшихся на смерть, на помощь товарищам и защиту своей Родины? Кто посмеет?

Когда передовой отряд (что от него осталось) дошел до Ильинского рубежа, курсанты, что укрепляли блиндажи и рыли окопы, невольно раскрывали рты, а глаза их не могли поверить – вчерашние их ровесники выглядели сейчас постаревшими тридцатилетними мужчинами. Перебинтованные, в запекшейся крови семнадцатилетние мужчины, шли на Командный пункт, устроенный в здании поселковой шко-

лы, чтобы получить приказ, и занять свое место на рубеже. Они, заставившие врага ползти в собственной крови 150 километров по Варшавскому шоссе, шли по перепаханному бомбами рубежу, и удивлялись, насколько досталось их товарищам, под бомбами рывшие окопы. То, что они пять дней, практически без сна и отдыха, удерживали немецкие танки и пехоту, это их не трогало.

Пройдет какая-то неделя и все, кто смотрел на вернувшийся передовой отряд, и удивлялся их перемене, кто выживет в этой нечеловеческой мясорубке, защищая Ильинский рубеж, сами не узнают свои лица – все как один постареют, и поседеют многие.

Капитан Россиков и политрук Иванов по форме с рапортом, подошли к своему командиру, полковнику Стрельбицкому. Свой кабинет полковник обустроил в кабинете директора, где был телефон.

Глава 2

Оборона Ильинского рубежа

Пять дней, что передовой отряд сдерживал немецкое наступление, основной отряд из трех с половиной тысяч курсантов, прибывший к Ильинскому 6 октября, укреплял недостроенный рубеж.

Что увидели курсанты и командиры, когда походным маршем вошли в границы рубежа? Первое, это женщин и подростков, копавших противотанковые рвы. Увидели две линии дотов – незамаскированные железобетонные коробки с

широкими бойницами. Не было броневых щитов к дверям и амбразурам. Попади рядом снаряд и осколки посекут всё что внутри. Не было ни пушек, ни пулеметов. Ничего кроме коробов. Доты оказались совершенно непригодные для обороны – как непригоден для жилья недостроенный дом. Там на берегу Угры уже сражался передовой отряд. Сколько он продержится, 6 октября никто этого не знал. Потому к укреплению дотов приступили сразу же – немедленно.

Когда курсанты всеми силами дорабатывали доты, строили блиндажи, копали окопы, ходы сообщения, запасные позиции для орудий, командование решало вопрос не менее серьезный. Пушек для обороны не было. Да, были пушки, привезенные из училища, но лучшие восемь – отдали передовому отряду. Оставшиеся десять могли сделать пять, максимум шесть выстрелов, и всё – просто металлолом. И с этим держать рубеж?

Стрельбицкий по телефону доложил всё это командующему московским военным округом Артемьеву. И в течение дня со всех московских арсеналов к рубежу стали подвозить пушки. Что это были за пушки: некоторые командиры при виде подвозимых орудий чесали затылки. Но выбирать не приходилось.

Дивизион трехдюймовок³ образца 1902-го года. Дюжина французских пушек XIX века – откуда, из каких музеев их привезли, никто не спрашивал. Они хотя бы стреляли. Цен-

³ Трехдюймовка – 76-мм полевая пушка образца 1902 года.

нейшим подарком прибыл 222-й зенитный артполк. Итого 50 орудий – вместе с французским раритетом и учебными пушками из училища.

– Кто сказал, что нам нечем воевать?! – Стрельбицкий осматривал всё это богатство. Вопрос встал, как все это расконцентрировать по фронту. Растягивать орудия по всему рубежу, Стрельбицкий отверг, не обсуждая. 5 пушек на километр – это дырявая оборона – ничего и никого она не удержит. Немцы танковыми клиньями прорываются вдоль шоссе. Им нужно шоссе. Значит и пушки нужно ставить там же. Так и решили. 40 пушек установили вдоль шоссе, на три километра в глубину обороны. Остальные – по флангам.

Стрельбицкий как раз распоряжался, как и где вдоль шоссе устанавливать орудия, когда политрук Иванов, что был рядом, невольно произнес:

– Мать честная... сколько же их еще будет, – по шоссе бесконечным потоком мимо строящегося рубежа шли беженцы и то, что осталось от военных частей разбитых на подступах к Москве. Шли роты, батальоны, но больше – отряды из разных дивизий. Собиравшиеся по лесам и опушкам, как собираются вместе потерянные дети, они малыми группами по десять-двадцать человек шли к Москве. Шли в каком-то болезненном забытьи, не обращая внимания ни на курсантов, ни на своих товарищей – они просто шли. Из забытья их выводили лишь авианалеты. Здесь, сами ноги бросали отступавших в овраги и рощи – казалось никаких чувств, кроме

одного – самосохранения – не осталось в этих израненных телах и измученных душах.

– Мы так не уйдем, – сдерживая нервную дрожь в горле, проговорил политрук. – Мы погибнем здесь все, но вот так, побитыми, потерянными, не уйдем.

– Идите к курсантам, – распорядился Стрельбицкий, – проверьте и доложите, как обстоят дела с дотами. Идите, политрук, – полковник, вполне по-отечески положил руку на плечо этого девятнадцатилетнего политрука. Да, этот точно умрет, но не отступит, как и все они – эти отчаянные мальчишки, кто, как и политрук, невольно и с любопытством и с тревогой смотрели на эти бесконечные колонны отступавших наших потрепанных войск.

– Может сюда их, – так же глядя на отступающие колонны предложил Россиков. – Помогут хоть ребятам траншеи рыть. А то и пополнят наши ряды. Нам сейчас каждый солдат нужен.

– Нет, – отвечал Стрельбицкий, – пусть идут. Наши ребята смотри, какие живые. – Курсанты, что рыли окопы, как раз с хохотом затеяли настоящую возню – чисто дети! – кто в траншее, лопатами черпал землю и бросал в тех, кто наверху, стараясь поразить метким арт-огнем занявшего высоту противника, противник отвечал забористыми комментариями, никак не достойными звания комсомольца, а иногда и меткими бросками комьев земли. – Не нужно ребят деморализовывать. Пусть идут. Это уже не бойцы, это просто тела.

Пусть идут, – он отвернулся и спустился с насыпи. Надо проверить готовность дотов – вот что волновало Стрельбицкого. На календаре утро 10-го октября. Передовой отряд вернулся и встал в строй. Боевое охранение ведет бой на подступах к главной линии обороны. Разведка сообщает о концентрации больших сил врага. Завтра будет штурм. Доты – вот проблема. Пусть идут.

Вечером, когда солнце садилось за багровые рощи, приехал секретарь ЦК партии⁴ Щербаков. То, что он сказал, было коротко, но понятно – стоять до последнего курсанта. Если окружают, из окружения не выходить. Умереть, но не выходить, – вот такая нерадостная перспектива. Стрельбицкий молчал. Что здесь ответишь. Приказ партии, есть приказ партии. Значит, погибнут все три с половиной тысячи курсантов.

– Им не нужно этого говорить, они сами умрут, но с рубежа не сойдут, – чуть слышно, почти одними губами произнес он, ни к кому не обращаясь.

– Что? – не расслышал Щербаков.

– Приказ ясен, – отвечал Стрельбицкий.

– Товарищ полковник, – в комнату вошел курсант, лицо точно он с пожара, – разрешите обратиться. Россикова убили.

– Что? – точно очнулся Стрельбицкий.

– Капитан Россиков погиб, – повторил курсант.

⁴ Центральный Комитет

Когда утром Россиков и Иванов вместе со Стрельбицким стояли на насыпи и смотрели на колонны беженцев, Стрельбицкого вызвали к телефону, звонили из Москвы, приказали отправить батарею 45-миллиметровок на север на подкрепление 1064-го стрелкового полка. Командовать батареей Стрельбицкий поставил Россикова, комиссаром – Иванова. Прибыв по назначению, батарея получила приказ от командира полка выдвинуться в деревню Зеленино, и занять оборону. Все были уверены, что в Зеленино есть наша часть и ее нужно просто усилить артиллерией. Но в Зеленино были уже немцы. Впустив грузовик с курсантами на улицу, немцы взяли грузовик в кольцо и предложили курсантам сдаться. Курсанты открыли огонь и заняли оборону. Из окружения вырвались, даже убитых и раненых забрали, уложив тела товарищей в кузов. Среди погибших был и Россиков.

Капитана похоронили со всеми почестями на «курсантском» кладбище. Сколько уже положили в землю за эти пять дней – десятки и десятки свежих бугорков. А сколь еще положат, – Стрельбицкому и думать об этом было страшно. Он сам прошедший в свои семнадцать гражданскую, видевший смерть товарищей, видевший зверства казаков, когда те скручивали колючей проволокой живые тела киевских комсомольцев, и сталкивали парней в Днепр... Нет, до такого допустить нельзя.

Доты были замаскированы, орудия и расчеты – все на своих местах. Широкие амбразуры, вот чего так и не смогли

исправить курсанты, не было бронелистов. «Аукнутся нам эти парадные ворота», – Стрельбицкий готовя себя к самому худшему, возвращался на командный пункт. К завтрашней атаке немцев всё было готово. Курсантам дан приказ отдыхать.

На командном пункте привычная сосредоточенная рабочая суета. И неожиданная радость. Стрельбицкого ждали командиры 64-го тяжелого гаубичного полка и дивизиона 517-го артполка.

– Вот это царский подарок! – нисколько не сдерживая радости, Стрельбицкий обнял и расцеловал обоих командиров. Немедля гаубицы и пушки нашли свое место на рубеже.

Наступило утро 11-го октября. Свежо. Осеннее солнце ленивыми лучами, растворяло ночной сумрак.

Курсанты многие не спали, с ночи ждали немецкой атаки, а кто и уснул, давно проснулся. За пять дней бомбежек такая здоровая злоба чесала курсантские души, что не было на рубеже того, кто не жаждал всадить снаряд или пулю, а лучше штык в немецкое брюхо. Не люди там у леса выстраивали линии пехоты и танков. Полумифические звери. Не было к ним пощады, не было жалости. Они приползли сюда утолить свой звериный голод. Убивать зверей, убивать без сантиментов, – вот что сейчас царапало курсантские молодые души. И чем выше поднималось солнце, тем больше крепла сила в мальчишеских сердцах.

– Вот они! – кто был в передовых окопах, увидели, как

от еще сумеречного леса отделялись колышущиеся точки – большие и малые. Большие превращались в рычащие танки, малые – в солдат. Точки сливались в массу и масса непреклонно приближалась. Знали бы курсанты, что на них, вчерашних школьников, на них, кого и было три с половиной тысячи с дореволюционными французскими пушечками и винтовками первой мировой, шел полноценный, под завязку укомплектованный, 57-й механизированный корпус. Шел в полный рост, шел, брезгливо поплеывая, шел уверенный, что вот так, поплеывая, пожеывая сухие травинки, он дойдет до оборонительного рубежа, всех убьет на рубеже – перережет как щенят, и пойдет дальше – на Москву.

– Кто ж их всех хоронить-то будет? – без тени страха, до неприличия спокойно произнес высокий добродушного вида курсант, нацеливая винтовку на приближающиеся и растущие точки.

– А мы их по вавилонскому обряду похороним, – отвечал курсант, что был справа от добродушного здоровяка.

– Это как? – сразу такой здоровый интерес прошелся по окопу, точно курсанты были не в окопах, враг на них не шел, а сидели они в классе за партами.

– Вавилоняне, они такие затейники были, – отвечал знаток Вавилонской культуры, – они своих умерших выносили в пустыню, и отдавали на съедения диким зверям.

– Наши советские звери побрезгуют есть эту немецкую падаль.

– Строго по идеологическим соображениям, – сразу пошла такая глубоко-идеологическая дискуссия, что видел бы враг, как его ждут подольские курсанты – немало бы удивился.

– Товарищи курсанты! – не выдержал политрук, тем более что и немцы подошли на прицельный выстрел, и даже слышны были выстрелы с немецкой стороны. – Товарищи курсанты! – повторил политрук, – хорош трепаться. Устроили тут митинг. По немецко-фашистским захватчикам, беглым, огонь!

Патроны давно в стволах, немцы давно в прицеле, осталось пальцу нажать на спусковой крючок. Первый залп оказался самым замечательным – наверное, ни одна пуля не прошла мимо цели. Десятки фашистов разом мешками повалились на землю. Перезарядка, патрон в ствол, выстрел. Курсанты четко, слажено, только и успевали, что перезаряжать, да менять обойму. Да; и немцы стреляли. И в окопах, охнет и опустится курсант, и молодые глаза с удивлением вглядываются в потухающее небо – как так, неужели всё? Всё – выносили парня из окопа, накрывали шинелью молодое удивленное лицо, и возвращались на свои места. Нет времени горевать об убитом товарище, надо немца бить.

Корпус направил основной удар, как и предполагал Стрельбицкий, по линии Варшавского шоссе. Шоссе немцам было нужно, по шоссе пойдут моторизованные части на Москву. Танк пройдет по лесу и оврагам, бронемашинам, грузовикам нужно шоссе. По защитникам шоссе немцы и били. Да, атаковали и по флангам, по всей линии окопов, но танковый клин загонялся именно в этот узкий – в километр – участок.

– Прёт как на буфет, зар-раза, – радостно ругался высокий курсант. Но и его пришло время. Не охнул даже – осколок точно в сердце вошел, и остановился вместе с сердцем.

Когда курсанты били из винтовок пехоту, артиллеристы

били танки. Хорошо били! Не зря прошел месяц тренировок, когда Стрельбицкий обучал их работать по нескольким машинам. Легко и весело откатывалась родная сорокопятка, посылая снаряд точно под башню, или в борт, или куда там целился наводчик? Вот куда он целился, туда и весело летел смертоносный снаряд. Пушки били из дотов, били из укрытий. Расчеты, в теории, знавшие о постоянной смене позиций, теперь на практике поняли, что немецкий танк это не мишень. Он стреляет.

– Сменить позицию! – то и дело слышал расчет приказ командира, который напряженно следил за движением крестовых машин. Заметил танк выстрел. Остановился, башня поворачивается, ствол опускается на прямую наводку. – Все от орудия! – крик лейтенанта, расчет прыжком в стороны. Выстрел. Пушка чуть качнулась, снаряд краем ударил по щиту, рикошетом в березу, щепки на голову как конфетти.

– Мазила! – радостный крик. Вскочил расчет, мало времени, надо успеть, пока этот зверь второй снаряд не пустил – а стреляли эти звери, ой, как быстро! Руки хватают пушку и откатывают, и вовремя! Снаряд бьет в пустое место.

– А вот сейчас мы тебя! Снаряд! – приказ лейтенанта. Снаряд загоняется в казённый, наводчик наводит прицел – всё быстро, всё слажено, всё как учили. Выстрел. И 45-миллиметровый бронебойный врежется точно под башню. Всё, встал танк, больше не опасен. Десятки немецких танков железными снопами дымились на поле. Сотни немецких сол-

дат, кто навзничь, кто мордой в землю, кто, свернувшись калачиком, лежали между танками в растоптанной сгоревшей от взрывов траве.

– Отступают! – радостные крики по окопу. – Ползут – гляди, как раки ползут! – радуются курсанты – отбита первая атака.

Стрельбицкий наблюдал за боем от КП⁵. В бинокль хорошо было видно, как наступают немцы, как падают, не доходя до линии окопов, как застывают, пуская черный дым подбитые танки.

– Хорошо, молодцы ребята, очень хорошо, – говорил он чуть слышно, радуясь каждому меткому выстрелу. – А это еще что? – бинокль невольно сильнее прижат к глазам. От леса, как на учениях, ровно и красиво, как на плацу, в ряд, выехала батарея тяжелых гаубиц. Одного точного залпа хватит, чтобы закопать в землю всю передовую линию.

Как танцовщицы на сцене, гаубицы синхронно разворачивают толстые стволы. Несколько минут, и стволы развернутся, заряд зайдет в казенник и тогда... Стрельбицкий перевел бинокль на наш передовой окоп – радостные курсанты, они атаку отбили, обнимаются... мальчишки...

– Ничего, ребята, мы вас в обиду не дадим, – все так же самому себе чуть слышно всё говорил полковник. – Сейчас они такой канкан станцуют, что... – Стрельбицкий договорить не успел; разом, единым салютом из железа и земли,

⁵ КП – командный пункт

немецкие гаубицы подскочили к верхушкам берез и кленов. Наши гаубицы, родные 152-миллиметровые, тяжелые, работали – как надо! Одного залпа хватило! Земля осыпалась. Воронки и куски железа, – и всё это на виду передового окопа. – Вот так-то ребята, – радовался Стрельбицкий. Земля осыпалась. Минутная тишина. И вот они – танки и пехота – упрямым клином поползли в новую атаку. Уже без соломинок и плевков. И, казалось, их стало больше – и пехоты и танков...

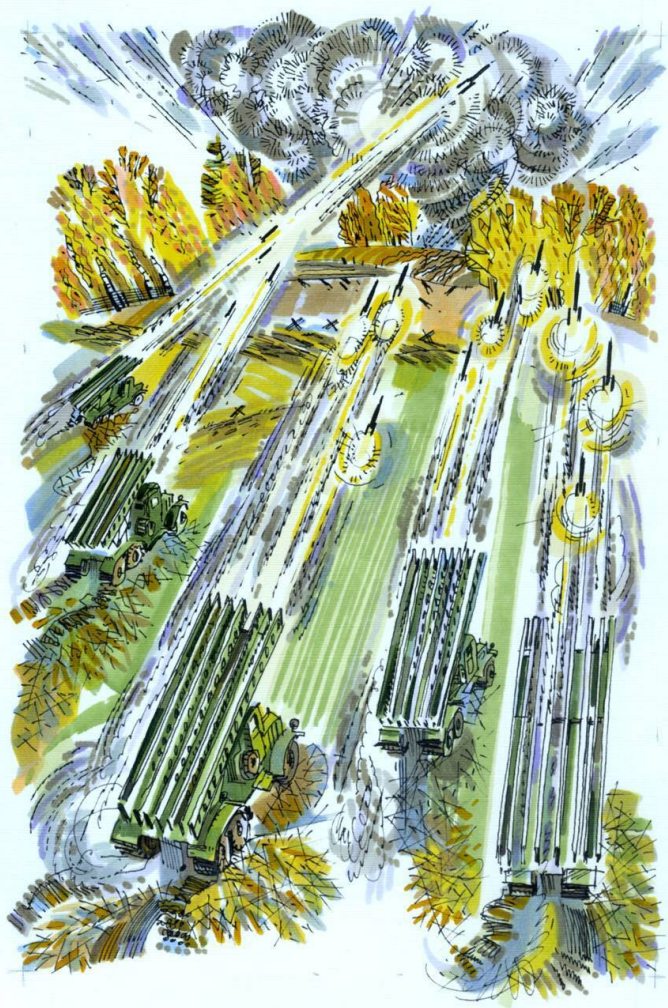
Три дня – 11-го, 12-го и 13-го октября – шли как один день – страшный одинаковый в своем безумии день. Немцы клином врезались в оборону, курсанты снарядами и пулями отбивали атаку. Следом выползли из леса немецкие гаубицы, гаубицы уничтожали залпы наших тяжелых орудий.

Курсанты что сидели в окопах и отбивали атаки, каждый раз, когда била наша артиллерия радовались как дети, когда фокусник достает зайца из цилиндра. Здесь в осенней окопной грязи, под пулями и снарядами, каждый курсант знал лишь свое место. Весь мир был для него – несколько квадратных метров. Он не мог знать ни о планах, ни о стратегии командования, ни о тяжелых гаубицах, что били неизвестно откуда. Он даже не знал, что было на флангах. Его рубеж был здесь, и он защищал его, умирал, но не сходил с рубежа. Как маленький спутник большой планеты в бескрайнем созвездии, не сходил он ни на шаг со своей орбиты. И все события, что выходили за пределы его орбиты казались ему

удивительным чудом.

– Парни! – курсант, что первый заметил колонну грузовиков, что шли по полю вдоль передового окопа, шли, давя колесами немецкие трупы и

объезжая мертвые немецкие танки, он аж от такого зрелища из окопа выбрался и встал в полный рост. За ним выбрались еще сотня таких же ошалевших от зрелища бойцов.

«Катюши», пять машин, в боевом порядке двигались по полю, где еще недавно шел бой. Машины остановились. Развернулись кабинами к роще. Расчеты выскочили из кабин. Несколько минут подготовки и... Курсанты знали, что такое реактивная установка. Но не многие видели ее в деле. Даже не представляли. Один за другим, снаряды с гулом вылетали с рельсовых направляющих. Грохот и рев. Минута, и над рощей всплыло коричневое облако. Из рощи как тараканы – немецкие солдаты, а в роще всё еще что-то рвалось и взрывалось. Расчеты попрыгали по кабинам. Машины развернулись и той же колеёй исчезли, как и появились.

Вот это был фокус почище работы тяжелых гаубиц!

– Ур-ра! – кричали курсанты, точно всё, точно конец войны, победа – так они были восхищены этой слаженной и чудовищной по своей разрушительной силе работе наших «Катюш». А немцы, не ожидавшие такой внезапной дерзости, даже не успели ответить. Да, они видели движущуюся по открытому полю колонну, видели и... не сделали по ней ни единого выстрела. Это было действительно какое-то чудо.

До темноты какая-то странная тишина. В этот день немцы больше не атаковали.

До 14 октября, трое суток, немцы упрямо пытались пробить фронт в лоб. И бейся они так дальше – не известно, сколько бы еще держались курсанты. Духа у них явно было с избытком.

14-го числа враг, наконец, зашел с южного фланга, и окружение стало делом времени. «Катюши» были немедленно отправлены в тыл – таким сокровищем рисковать было нельзя. Вместе с «Катюшами» отошли и остальные части. Всё; на Ильинском рубеже остались лишь подольские курсанты. Сколько их осталось на рубеже? Не мог посчитать даже их командир. Кольцо смыкалось. Приказа отступить не было.

Именно сейчас, оставшись один на один с врагом, полковник Стрельбицкий вспомнил, как ему отдавали приказ продержаться 5 дней, всего 5 дней. Откуда считать эти пять дней? От рассвета 6-го? когда в бой вступил передовой отряд Россикова? От утра 11-го? когда немцы пошли в свою первую атаку на рубеж? Откуда считать эти пять дней?

На календаре 16-е октября. Может вести отсчет от начала окружения? Откуда считать, от какой печки? – Стрельбицкий еле сдерживая здоровую злобу, бессмысленно смотрел на всё растущее кладбище, куда ежедневно относили тела убитых его курсантов. Мальчишек, за кого он, начальник училища, в ответе.

– Откуда считать? – невольно вслух произнес он. Вновь в небе рокот авиационных двигателей. Опять. – Все в укрытие! – приказ. Каждый день, и в день по три-четыре раза – налет за налетом. Рубеж перепахали бомбами, перепахали по-бюргерски основательно. Глядя на рубеж, нельзя было и подумать, что здесь кто-то еще жив. Но нет. Как только начиналась немецкая атака, рубеж оживал и яростно отвечал

огнем пушек и винтовок.

Немцы в тылу, Варшавка до самого Малоярославца занята танками и пехотой. Захвачен склад с боеприпасами и продовольствием. Всё что осталось у курсантов, то, что у них в руках. Теперь каждый снаряд на счету. Пушек – по пальцам пересчитать. Фланги разбиты и заняты врагом. Курсанты, что смогли отступить, теперь все сконцентрировались на пяточке возле шоссе. Но этот пяточек шоссе наш! И не могут колонны грузовиков и бронемашин пройти мимо. Не может враг войти в Москву. Не пускают его какие-то две «офицерские школы» – так на картах обозначали немцы этот рубеж: «Подольск. Две офицерские школы». 57-й корпус не мог раздавить школяров!

Теперь бой на рубеже более походил на уличный бой. Окруженный рубеж сражался за каждый дот, каждый окопный переход. Немцы подогнали зенитки и расстреливали доты прямой наводкой, целясь по широким амбразурам. Но разбитые доты оживали и огрызались ружейным и автоматным огнем. Курсанты и раненые сражались. Сражались так, как могут сражаться только молодые, верящие в победу парни – насмерть.

Они перебегали от дота к доту, от окопа к блиндажу, они сами брали немцев в кольцо и уничтожали. И рубеж по-прежнему был наш. И шоссе – наше.

Немцы бомбили рубеж, атаковали рубеж, засылали на ру-

беж переодетых в советскую форму диверсантов. Ничего не могло сломить защитников.

– Доблестные красные юнкера! Вы мужественно сражались, но теперь ваше сопротивление потеряло смысл: Варшавское шоссе наше почти до самой Москвы... – курсант читал вслух листовку, которые сотнями немцы разбросали с самолета.

– «Почти» – не считается, – другой курсант вырвал листовку. – Даже подтереться ей брезгливо, – скомкал и выбросил. – Смотри! – проследив за полетом скомканной листовки, он вдруг вскочил. – Танки! Наши? Наши танки, ребята! Там наши танки! Сотни парней повылазили из укрытий и с надеждой вглядывались в шоссе. От Малоярославца по шоссе шла колонна танков, на первом развивался красный флаг.

– Ура! Наши танки!

И вдруг тишина. Не наши. На танках все увидели кресты. Немецкие танки колонной в пятнадцать машин бодро катили по шоссе к рубежу. Курсантов как сдуло – все по укрытиям.

И случилось еще одно – теперь уже последнее чудо. За какие-то десять минут четырнадцать танков один за другим, от последнего до второго в колонне вставали и дымились. Лишь самый первый, что с красным флагом, как ошпаренный свернул с шоссе и по обочине мимо курсантов, через окопы рванул к лесу. Удрал, повезло. Из подбитых танков даже никто не вылез. Все кто был внутри, погибли. Что это было за чудо, курсанты боялись даже гадать.

Это чудо надолго засело немцам в память и осталось позорным пятном. 14 машин – за десять минут. Чудо раскрылось скоро. В тылу, на обочине шоссе, вполне себе на виду стояла наша 85-миллиметровая зенитка. Чудо, что колонна проехала, не заметив это довольно-таки внушительное орудие. Зенитка – орудие скорострельное, а 85 мм – калибр для легкого танка разрушительный, когда ему хватало и снаряда сорокопятки. Расчет зенитки не упустил такой немецкой беспечности. 14 танков за 10 минут из одного орудия. 14 танков – о такой потере сообщили самому командующему 57-м корпусом, и он отказывался в это верить. 14 танков! – это случилось 15 октября.

А к вечеру, еще атака, и ночью атака. А на утро, 16 октября выпал снег. Нет пушек, нечем защищать шоссе. Патроны на исходе. Сколько осталось личного состава... Сколько? – нет ответа. Бои идут уже возле КП. Все три линии обороны заняты немцами. Где курсанты, где немцы – все смешалось. Но немцы не штурмовали больше шоссе. 14 танков надолго

усмирили их страсть прорвать нашу оборону. Впрочем, сейчас даже бронемашина спокойно проехала бы по шоссе. Не было больше пушек.

Стрельбицкий сидел в своем кабинете. Взрывы, стрельба – ничто, казалось, уже не тревожило начальника артиллерийского училища. Сколько еще смогут продержаться его курсанты? День, может два...

– Товарищ полковник, – перед Стрельбицким стоял сержант-пехотинец, его привели двое курсантов. Стрельбицкий молча смотрел в его лицо. Что еще могут ему приказать из ставки? – Вам пакет, – сержант положил пакет на стол. Полковник взял пакет в руки, вскрыл. Глазам не поверил. Дважды перечитал. Даже вслух прочел:

– Приказываю... вывести вверенные подразделения... училищ для продолжения занятий. – Стрельбицкий в разобессилев, отложил приказ.

Долго смотрел на двух курсантов, что привели ему гонца-сержанта. – Что стоим ребята? – полковник не сдержался, улыбнулся во все зубы. – Собирайтесь. Завтра в школу, – внезапный здоровый молодой смех стал ответом.

Этим же вечером, с боями, курсанты собирали всех своих по всем трем линиям. Каждый дот обошли, ни один блиндаж не пропустили, все окопы прошерстили. Никто не остался на рубеже. Все стояли у Командного пункта.

– Всё, ребята. Уходим. Приказ оставить рубеж. Из Сибири и Дальнего востока прибыли резервы. Отстояли мы-таки шоссе. Не зря товарищи наши погибли. Мы выполнили приказ. Спасибо, родные мои, спасибо сыны. От всех отцов, за всех отцов говорю я вам это Спасибо. А теперь, в колонну по двое и... шагом марш!